

II.—Быка покупаютъ...

— Вы что, ребята?

— Къ вашей милости, насчетъ быка.

— А-га! Вамъ купить или на лѣто въ стадо пустить?

— Хоть такъ, хоть этакъ.

— Ну что жъ, я, ребята, согласенъ. Только лучше вы его купите, а то дешево мнѣ вамъ его въ стадо пустить не придется, потому испортите вы мнѣ его только. А продать лучше. Святое дѣло. Я продалъ, вы купили, денежки отдали—и готово. Изъ головы вонъ.

Разговоръ этотъ происходилъ въ собственномъ родовомъ имѣніи Василя Николаевича Капустина. Онъ сидѣлъ на перилахъ крыльца своего деревяннаго стараго домика и держался за столбъ, чтобы не потерять равновѣсія, такъ какъ ногами онъ болталъ по воздуху, да и перила отъ старости были непрочны. Лѣтъ тридцати-пяти, съ отрастающимъ уже животомъ, сильно загорѣлымъ по половину лба лицомъ, онъ, когда говорилъ, все какъ бы улыбался. Улыбка не покидала его даже когда онъ ругался, а ругался онъ изрядно. Если мы прибавимъ, что костюмъ его состоялъ изъ чечунчеваго пиджака поверхъ ночной рубашки, что

онъ курить, не переставая, папироски, что у него были длинные черные ногти, то мы получимъ довольно полный портретъ его.

Передъ нимъ на землѣ стояли безъ шапокъ два крестьянина: одинъ среднихъ лѣтъ—староста, а другой—старикъ. Оба были въ полушубкахъ, хотя дѣло было наканунѣ Егорьева дня—уже было не только тепло, но и жарко.

Когда Капустинъ заговорилъ про деньги, они переглянулись.

— А вѣшто вамъ теперь деньги? Вы сами знаете,—сказалъ староста,—какія теперь у мужика деньги? Велѣли на частные собрать. Три дня по деревнѣ ходилъ, десяти цѣлковыхъ не нашелъ. Мы думали—подъ работу.

— Ну что жъ? Можно и подъ работу.

— А вы что положите намъ, значитъ, сработать?

Василій Николаевичъ подумалъ.

— Да что положить, чтобы не обидно было?.. Ну, ужъ для васъ только... назначу я вотъ что... десять десятинъ ржи скосить, связать, свозить; овса тоже скосить, связать, свозить десять десятинъ. Ну, что еще? въ Гараськиномъ углу сѣновокъ убрать; ну, да день сто бабьихъ въ полку проса... вотъ и все.

— Что же, Василій Николаевичъ,—сказалъ старикъ:—ты смѣяться надъ нами вздумалъ?..

— Вѣдь это вы на полтора рубля насчитали,—прибавилъ староста.

— Какіе же тутъ полтора рубля? Что вы? ополоумѣли? Двадцать десятинъ по три цѣлковыхъ—шестьдесятъ рублей. Да Гараськинъ уголь убрать десять рублей, да сто день—пятнадцать... восемьдесятъ-пять рублей... вотъ и все. А вы—полтора!

— Кто жъ это вамъ за три цѣлковыхъ пойдетъ обработать десятину? Да Гараськинъ уголь за десятку?.. Опять бабѣ—пятиалтынный.

— Какъ? да я нонче осенью сдавалъ по три рубля.

— Да, старшинѣ въ подать... Мало ли чего не возьмешь, какъ въ тигулевку тащать... А за быка по этой цѣнѣ нельзя.

— Ну нельзя, такъ нельзя. Я васъ не неволю. Не берите быка.

— Чего жъ намъ тутъ дѣлать?—сказалъ старикъ старостѣ:—пойдемъ.

— Нѣтъ, на этихъ условіяхъ общество не возьметъ.

— Не хотите, проваливайте. Чего тутъ зубы-то чесать?

Мужики ушли. Поздно вечеромъ еще слышны были на зарѣ голоса громко между собой спорившихъ мужиковъ. Порѣшили не сдаваться и искать въ другомъ мѣстѣ.

— Ишь аспидь! живыхъ ободрать норовить!

— А то какъ же ты думалъ? Онъ того и ждетъ, чтобы сорвать!

— Ну, нечего толковать. Можно и на деньги купить, а деньги занять!

Разошлись.

Дня черезъ три—Василій Николаевичъ былъ на конюшнѣ—подходить человѣкъ десять мужиковъ, со старостой во главѣ.

— Ага, одумались? Нѣтъ, лучше и сходиѣ моего, ребята, не найдете!—весело сказалъ онъ имъ.

Онъ былъ въ духѣ, потому что любимая его кобыла ожеребила жеребчика отъ казеннаго жеребца. Мужики про это ужъ знали.

— Съ новорожденнымъ васъ, Василій Николаевичъ.

— Спасибо, спасибо. Только зубы-то вы мнѣ не заговаривайте. Не болятъ. Вы насчетъ бычка? Надумались?..

— Надуматься-то, чего надумываться. Мы бы съ великимъ удовольствіемъ, только вотъ что вы насчетъ цѣны намъ скажете?

— Да я же вамъ сказалъ. Чего же еще?

— Эта цѣна неподходящая,—сказалъ староста.—Вы скостите.

— Мы мекали, мекали,—сказалъ другой,—ничего не выходитъ. Въ графскомъ имѣніи какіе бычки, сто двадцать цѣлковыхъ просилъ управляющій.

— Ну, покупайте у графа.

— То-то, что наша сила не беретъ такую цѣну давать!

— У меня никакой силы не надо. Вамъ всего-то эта работа—плюнуть. Замахнули дружно: и рожь въ завтраку вся; то же и овесь, и сѣновось, и полка. Вамъ это ничего не стоитъ.

— Кабы ничего намъ не стоила, мы бы ничего не говорили. А то полтора ста рубликовъ работа эта стоитъ. Вотъ что! А бычишка не Богъ вѣсть какой. Такихъ на базарѣ много.

— Я вѣдь вамъ не мѣшаю на базарѣ покупать, что хотите.

— Эхъ, баринъ, купили бы, кабы деньги были. Да тогда и вы бы насъ не прижимали. За полусотню бы его отдали.

— А ты не смѣй говорить, что я прижимаю! Я для ихъ же уваженія дѣлаю, а онъ смѣетъ говорить, что я прижимаю! Ступайте вонъ отсюда! Они еще... ругаться!

— Ну, что-жъ, пойдѣмъ... а грабить себя не дадимъ...

— Живыхъ ободрать норовить!

— На кой онъ намъ нуженъ съ быкомъ!

— Еще уваженіе намъ дѣлаетъ...

— Чортъ съ нимъ!.. Подавись онъ быкомъ своимъ!..

Все это говорилось, конечно, уже въ почтительномъ отъ Капустина разстояніи, хотя кое-какія выраженія до него долетали. Онъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ.

Къ нему подошелъ его служащій, бывшій и старостой, и свотникомъ.

— Вы, Василій Николаевичъ, не упускайте ихъ! Вѣдь быкъ-то какой-то больной. Кашляетъ, да и тѣло плохо держитъ.

— Знаю... ты меня не учи!.. А они нѣшто моихъ рукъ минуютъ?.. Чудакъ, право!

Снова собрался сходъ. Всѣ говорили, что за такую безумную цѣну покупать быка нельзя ни въ какомъ случаѣ. Рѣшили продолжать поиски и главнымъ образомъ стараться раздобыть денегъ взаймы.

Были еще бычки. Но за нихъ большею частью ломили цѣну непомерную.

— Да, помилуйте, въ быкъ-то въ живомъ двадцати пудовъ не будетъ!

— А вы нѣшто на зарѣзъ его берете? Небось, на племя?

— Вѣстимо, на племя.

— Такъ то-то вотъ и есть.

И мужики уходили. Въ графскомъ имѣніи бычокъ былъ прекрасный, но цѣна ему назначена была сто-двадцать рублей—ни копѣйки меньше.

— Вы бы, Богданъ Карловичъ, намъ его подъ работу дали. Мы сами видимъ—бычокъ хорошъ. Но денегъ у насъ, хоть всю деревню пройти, нѣтъ. А работу мы, какую назначите, въ лучшемъ видѣ сработаемъ.

Подумалъ Богданъ Карловичъ.

— Подъ работу у насъ все съ осени сдается, вы сами знаете... Ну, вотъ что я для васъ придумалъ. Графъ велѣлъ задній прудъ вычистить. Такъ вотъ возьмитесь за быка. Такъ и быть, до осени я вамъ повѣрю. Условіе изъ волостного правленія принесите.

Богданъ Карловичъ имъ подробно объяснилъ, что отъ нихъ требовалось. Сходили на мѣсто. Прудъ обошли, обмѣрили. Сметнули.

— Да вѣдь, Богданъ Карловичъ, работы тутъ на триста цѣлковыхъ, а то и больше. Всю осень съ нимъ провозишься.

— Какъ хотите. Другой у меня работы для васъ нѣтъ.

Хорошъ былъ бычокъ, а дѣлать нечего—ушли мужики. Не успѣвшише оказались и поиски денегъ. Богачи въ сосѣднемъ селѣ

отказали наотрѣвъ. Они отдѣльнымъ лицамъ еще давали въ займы — все кое-какъ съ нихъ взыщешь судомъ, А съ общества и присудать — ничего не получишь. За ними недоимки двухлѣтнія. Что соберутъ — все въ недоимку повернуть. Есть у нихъ уже такихъ два исполнительныхъ листа — по десяти лѣтъ лежатъ; ничего не получаютъ. Давалъ имъ сто рублей приходскій дьячокъ, но таковой процентъ заломилъ, что и говорить не стоило. Прошла недѣля, другая. Стадо въ полѣ ходить, а быка нѣтъ. Пошли опять къ Капустину — на этотъ разъ всѣмъ сходомъ. Застали его за вечернимъ чаемъ на крыльцѣ съ женой и дѣтьми. Сняли шапки.

— Мы опять къ вашей милости. Что же быча-то намъ уступите что-ль?

— Я вамъ сказалъ!.. Чего вамъ еще нужно?.. Коль надумали — тащите условіе.

— Да ты уважь, Василій Николаевичъ, общество-то! Вѣдь грѣхъ будетъ. Мы твои. Скости сколько-нибудь.

— Вамъ не скостить, а набавить слѣдуетъ за то, что въ время не соглашались. Ну, такъ и быть: десять денъ бабихъ я вамъ скощу.

— Это что-жь, Василій Николаевичъ, десять денъ! Ты ужъ ослобони насъ отъ полки. Бабы наши за тебя будутъ Бога молить.

— Ты ихъ приучилъ, Василій Николаевичъ, топтаться тутъ по цѣлымъ днямъ, — сказала ему жена, — объяви имъ окончательно, что если хотятъ брать, чтобы брали; а не хотятъ — пускай убираются.

— Ну, больше я съ вами говорить не буду. Последнее слово сказалъ. Мнѣ некогда.

Говоря это, онъ всталъ и ушелъ въ домъ. Черезъ минуту вернулся.

— Ну, что? Рѣшили?

— Что же съ вами подѣлаешь, Василій Николаевичъ? Видно, надо брать у васъ бычка. Обидно маленько, да ничего не подѣлаешь.

— Ну, согласны, такъ несите условіе.

— Принесемъ, принесемъ. — Черезъ два часа будетъ здѣсь. Староста, махай живѣй!

Староста ушелъ. Мужики потоптались на мѣстѣ.

— Ну, чего же вы стоите? Ступайте съ Богомъ!

— Да какъ же это, Василій Николаевичъ, вѣдь надо быча взыскнуть, чтобы здоровъ былъ и приплодъ чтобы былъ хорошій.

— Ну, ладно. Безъ этого нельзя. Я дамъ записку въ кабакъ: тамъ отпустить.

— Благодаримъ поворно, Всильй Николаевичъ, много лѣтъ вамъ жить.

И мужики побрели домой. Вечеромъ проѣзжій могъ видѣть всѣхъ въ сборѣ, и мужиковъ, и бабъ. Всѣ были навеселѣ. Вспрыскивали быка.

— Прижмисть маленько, — говорилъ одинъ старикъ, — но баринъ хорошій, дай Богъ ему добраго здоровья!

— Чего говорить! Баринъ кредитный.